

Фанни Ароновна Хейфец

ЖИРОНДИСТСКИЙ КОНВЕНТ

(20 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА — 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА)

1

Выборы в Национальный конвент Франции начались во второй половине августа 1792 года, в дни самой большой тревоги за будущее революции, когда прусские войска под командованием герцога Брауншвейгского двигались к Парижу. Впервые в истории Франции избиратели были представлены народными массами, так как революция 10 августа уничтожила деление граждан на активных и пассивных. Никто из партии фейянов, сторонников и защитников Людовика XVI, в Конвент не попал. Этим самым французский народ отвергнул монархию как политическую форму правления, окончательно скомпрометированную в его глазах с тех пор, как он стал подозревать короля в измене родине.

Центральным вопросом во время выборов в Конвент был вопрос о спасении революции, об изгнании из французской земли пруссаков и австрийцев. В департаменте Марны, в Реймсе, выборы в Конвент происходили в день падения Вердена. Ожидали, что неприятель может каждую минуту занять Рейм. Поэтому на столе у председателя избирательного собрания «вместо звонка... заряженная дуэтоволка, чтобы, в случае приближения врага, быть готовым броситься в ряды храбрецов, которые стекаются со всех сторон и наполняют город»¹. Французский народ выбирал в Конвент прежде всего хороших патриотов, которые сумели бы прогнать врага и заключить почетный для Франции мир.

Но уже во время выборов в Конвент приобрел большое значение другой вопрос, придавший после 10 августа всей французской буржуазной революции новый колорит, оказавший сильное влияние на результаты выборов в Конвент и показавший чаяния и стремления народных масс во Франции в конце XVIII века. Революция 10 августа была названа народом революцией равенства, и Парижская коммуна со второй половины августа стала помечать свои официальные документы: «IV-ый год Свободы. I-ый год Равенства».

¹ Гюстав Лоран «Рабочий-депутат Конвента Жак-Батист Армонвиль», стр. 34.

Народные массы были убеждены, что свержение монархии и упразднение конституции 1791 года устранят все препятствия на пути к осуществлению равенства, подлинного равенства «égalité de fait», как тогда формулировали народные массы свое понимание равенства. Это было совсем не то политическое равенство, которое народ завоевал 10 августа и которое вынуждено было признать Законодательное собрание. Это была целая программа нового социального преобразования Франции, которая выходила за пределы ограниченных историческими условиями возможностей буржуазной революции конца XVIII века и выдвигала идею «нового мирового порядка»².

В самом общем виде требование равенства означало тогда, что народ поставил в порядок дня вопрос об уничтожении нищеты и об установлении более справедливого, равномерного распределения богатств. «Пусть злонамеренные граждане сознательно не признают вас, почтенные бедняки, но пусть они узнают от вас, что не пришло еще время сокрушить аристократию богатых; настанет день — и он уже недалек, он наступит тотчас же после наших войн, — день, когда состояния будут уравнены на основании закона»³, — уверяла демократическая газета Приюда «Революции в Париже» 22 сентября 1792 года, уже после того как Конвент был избран. Газета следующим образом определяла первоочередные задачи Конвента: «Немедленно предоставить в пользование народа те блага, которые им созданы, является настоятельной и неотложной необходимостью; необходимо сделать так, чтобы революция стала для народа его собственным делом; но так как он слишком многочисленен, чтобы самому произвести раздел этих благ, вы должны управлять его достоинством так, как если бы он управлял им сам»⁴.

В это время впервые в ходе революции был поставлен вопрос об общественном вос-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 147.

³ Жан Жорес «История великой французской революции». Т. III. Конвент (1), стр. 105.

⁴ Там же, стр. 106.

питания. О нем тогда говорили как о средстве, которое разрушит преимущество богатства над бедностью, «это опасное преимущество, которое сегодня еще имеется в количестве ста на сто, будет уменьшено на протяжении 5—6 лет до 60% и т. д.; с течением времени у нас установится равновесие, так что искусный и просвещенный человек никогда не сможет употребить своих знаний во зло».

К этому же времени относится распространение идеи прогрессивного налога. Прогрессивный налог должен был служить средством для полного проведения уравнивания в имуществах, «которое всех нас объединит одними и теми же узлами, одними и теми же естественными интересами, одними и теми же радостями, — надо, чтобы тот, кто не имеет 400 ливров чистого дохода, абсолютно ничего не платил бы деньгами; он уплатит свой долг государству своей работой, своим погребением, защитой своего очага, тем, что будет иметь многочисленное потомство»¹. И хотя все эти требования не представляли еще непосредственной угрозы для буржуазной собственности, упрочившейся в ходе революции, они породили страшную тревогу среди всей французской буржуазии. На западе, в центре, на востоке — в Беарне, в Реймсе,

в Лонгви — были та же тревога, те же опасения.

На предвыборных собраниях буржуазия только и говорила об опасности, угрожающей частной собственности, о ее сохранении, о том, что она должна быть священной и неприкосновенной. В департаменте Ло избирательное собрание в своем воззвании утверждало, что как ни страшны внешние враги, осквернившие землю свободы и несчастные руки которых «несут опустошение и смерть», но есть враги еще страшнее, на борьбу с которыми оно призывало всех: это враг внутренний, «который, вставая в вашу среду, прикрываясь личиной патриотизма, колебля священное право собственности, безопасности, запугивает вас невероятными ужасами и хочет довести вас до анархии»².

До сих пор еще далеко не изучено развитие общественной мысли и социального движения в ходе французской буржуазной революции. Мы знакомы только в самых общих чертах с характером той классовой борьбы, которая происходила во Франции во время выборов в Конвент. Любопытно, что историки французской революции в большинстве своем ссылаются на эту борьбу Жорес посвящает ей несколько интересных страниц в своей истории Конвента, высказывая, однако, ряд противоречивых суждений. С одной сторо-

¹ Ж. и Ж. Жорес «История великой французской революции». Т. III. Конвент (1), стр. 106.

² Там же, стр. 87

ны, он уверяет читателя, что Франция во время выборов в Конвент показала всему миру пример революционного единства, с другой стороны, он не может отрицать ожесточеннейшую классовую борьбу, происходившую в это время во Франции.

Линия этой борьбы во время выборов в Конвент была сложной и извилистой; одновременно с борьбой против роялистов, против изменников родины, ярко намечалась уже борьба между бедными и богатыми вообще, независимо от того, дворянского или буржуазного происхождения было богатство.

До выборов в Конвент в провинции еще плохо отличали якобинцев от жирондистов. Они казались единомышленниками, а жирондист Бриссо и якобинец Робеспьер еще казались людьми, борющимися против одних и тех же врагов французского народа. Жирондисты позаботились о том, чтобы в департаментах создалось совершенно неверное, ложное представление о якобинцах. Жирондист Барбару рассказывает, как он познакомил марсельцев с Робеспьером: «Я обрисовал характер Робеспьера, жадного до мести, господства и крови. Я рассказывал о попытках Робеспьера достигнуть диктатуры».

Жирондисты с целью дискредитации якобинцев взвалили на них всю ответственность за сентябрьские выступления народных масс и, чтобы окончательно оттолкнуть от них избирателей Парижа, «Французский патриот», жирондистская газета, 15 сентября писал: «Остервенелая шайка, которая не блещет ни талантами, ни заслугами, но одинаково ловко владеет и кинжалом мести и стилетом клеветы, хочет добиться господства путем террора».

Благодаря агитационной деятельности жирондистов значительная часть собственников в провинции отдала им во время выборов в Конвент свой голос. Жирондисты Бриссо, Ролан, Кондорсе, Верньо и Гюате были избраны в нескольких департаментах. Жирондисты не только провели в Конвент всех бывших членов Законодательного собрания, но и много новых своих людей: из 750 депутатов в Конвенте насчитывалось 165 жирондистов. Это все были представители крупной торгово-промышленной буржуазии: ее интеллигенция, ее философы, адвокаты, теоретики. Среди них было много галантливых людей, блестящих умов, но все они боялись участия масс в революции, ненавидели и презирали народ и, как говорили про них якобинцы, «хотели свободы без равенства».

Париж, в котором санктологи сделали хозяевами положения после революции 10 августа, выбрал в Конвент только якобинцев: Робеспьера, Марата, Камилла Де-

мулена, Фабра Деглантина, Колло Д'Эрбуа, художника Давида, Бильо Варенна, Дантона и др. Кроме Парижа отдельные промышленные центры — Лион, Реймс, Сен-Этьен — также выбрали якобинцев.

В Конвенте очень скоро обратил на себя внимание 22-летний Сен-Жюст, талантливый, целеустремленный человек «с пламенным умом и холодным сердцем»; среди якобинцев был и беззлой Кутон, будущий соратник Робеспьера, и Камбон, ставший потом руководителем финансов французской республики, и честный, благородный Леба, беззаветно преданный республике, завоеванной 10 августа 1792 года, как, впрочем, было преданно ей большинство избранных в Конвент якобинцев. Как и жирондисты, большинство депутатов-якобинцев в Конвенте было представителями французской буржуазной интеллигенции; среди депутатов-якобинцев были адвокаты, врачи, аргисты, бывшие священники, но в противоположность жирондистам они были связаны с массами и являлись выразителями демократических устремлений этих последних. В Якобинском клубе после революции 10 августа 1792 года собирались самые решительные, самые передовые представители революционной буржуазии Франции.

Всех якобинцев в Конвенте было около 100 человек. Подавляющее большинство Конвента — 500 человек — называло себя нейтральными. Среди них были купцы, лавочники, предприниматели, землевладельцы, интеллигенция — все собственники, т. е. та же буржуазия и примкнувшие к революции дворяне. Вскоре Париж прозвал депутатов большинства «болотом», «болотными жабами», «брюхом» за то, что во время обсуждения в Конвенте самых жгучих вопросов и во время самых ожесточенных прений большинство заявляло о своем участии в Конвенте только невнятным возгласам. До 9 термидора «болотные жабы» внешне оставались безмолвными зрителями и статистами той ожесточенно-страстной, а порой и трагической борьбы, которая происходила в Конвенте и которая потрясала не только Францию, но и всю Европу. Тактика «болота» в Конвенте определялась двумя мотивами: собственники-буржуа, многие из которых стали также обладателями национальных имущества, сильно боялись и не хотели реставрации, но в то же время они не менее сильно боялись народной революции и революционно-демократических требований плебейских масс. Поэтому они всегда поддерживали в Конвенте ту партию, которая была в данный момент сильнее. Сначала они поддерживали жирондистов и своими голосами обеспечили их господство в Конвенте. После изгнания жирондистов они оста-

верховный Совет пацци» и воспрепятствовать народу послать в Конвент его подлинных представителей. Но среди депутатов Конвента были и люди, известные в революции. Многие из них были членами Учредительного и Законодательного собраний, заслужившими почетную известность служением делу буржуазной революции.

2

Внимание всей Европы с 20 сентября самым приспальным образом устремляется в Тюильри — бывший дворец французских королей, в театре которого заседали представители Франции. Всех волновали вопросы: справится ли Конвент с опасностями, обступившими революцию со всех сторон, сумеет ли он добиться ее торжества, или возьмут верх роялисты, и тогда будет восстановлен старый режим и Франция, к великой радости ее врагов, будет расчленена на части?

Опасности, стоявшие на пути революции, были так велики, что преодолеть их можно было только при условии мобилизации и единения всех революционных сил народа.

Но единения в Конвенте не было. В самом размещении депутатов было что-то символическое, вскрывавшее соотношение сил в Конвенте. Жирондисты расположились на правой стороне, которую в Законодательном собрании занимали феяны. Они образовали в Конвенте самую правую партию, партию «умеренных». Наверху потолка залы поместились якобинцы. Про них говорили, что они заняли вершину горы, и их прозвали монпаньярами (от французского слова «montagne» — гора), «болото» занято большую часть зала — его равнину, центр.

Жирондисты ненавидели Париж и сакюлогов, которые не выбрали в Конвент ни одного из них. Клевещи на великий город, они изображали его, как горы «дезорганизагор», «анархистов». Поэтому большинство депутатов Конвента уже заранее относилось к Парижу с предубеждением. Парижская коммуна внушала им ужас, Робеспьера они ненавидели, а к Марату питали такое отвращение, что не хотели даже смотреть на вершину горы, в ту сторону, где он сидел. На первом же заседании жирондисты при поддержке «ботота» избрали председателем жирондиста Пегнона и забаллотировали Робеспьера. В этот же день был избран жирондистский секретариат, и жирондисты стали господствовать в Конвенте.

Французский народ не дал своим депутатам никаких письменных наказов. Но на избирательных собраниях очень много говорилось о задачах, которые Конвент призван был разрешить: все ждали, что Конвент немедленно займется работой по соз-

лись с якобинцами и помогли Робеспьеру отержать победу над своими противниками. Не они же явились главной силой, решившей вопрос об аресте и казни Робеспьера и уничтожившей ичтагуру якобинцев.

«Боложные жабы» — это была самая подлинная, в своей плоти и крови мешанская, обывательская, буржуазная Франция, высшая мудрость которой в ходе революции проявилась в том, что она сумела пережить всех деятелей революции и после их гибели, воспользовавшись результатами протеканной ими работы, утвердилась во Франции в качестве ее настоящего хозяина. Наиболее типичной фигурой «болога» был Баррас — бывший аристократ, циник, беспринципный, продажный человек, наживший за время революции миллионы.

Не мудрено, что, когда результаты выборов определились, Марат забил тревогу. «Меня удручает только одна мысль, — говорил он, — что мои усилия спасти страну не приведут ни к чему без нового восстания. Видя заваску большинства депутатов Национального собрания, я теряю надежду на общественное спасение. Если на первых восьми заседаниях не будут заложены все основы конституции, не ждите больше ничего от ваших представителей»¹. В двухстепенных выборах он справедливо увидел «только хитроумное средство, пущенное в ход Законодательным собранием, с целью наводнить разраженными людьми

¹ Марат «Памфлеты», стр. 683 1939.

данию новой конституции, даст стране новое законодательство на «основе свободы и равенства» и добьется мира. Франция, крестьяне в первую очередь, хотела мира, и во время выборов в Конвент много говорилось о том, что надо скорее изгнать неприятеля с французской земли и потом заключить с ним почетный для Франции мир.

Но был еще один вопрос, который требовал немедленного разрешения: будет ли создана во Франции республика или же останется монархия? Не разрешив этого вопроса, Конвент не мог начать своей работы над конституцией. Законодательное собрание только временно отстранило от престола Людовика XVI, но не согласилось с требованиями народных масс Парижа, настаивавших на уничтожении монархии и провозглашении республики. Вопрос остался открытым, и Конвент должен был вынести свое решение немедленно. Нужно было срочно решить, как поступить с Людовиком XVI, которого народные массы обвиняли в измене родине. После революции 10 августа были найдены документы, подтверждавшие догадки о том, что король был связан с эмигрантами и австрийцами. Народ требовал, чтобы Людовика XVI судили

как рядового гражданина, уличенного в предательстве.

Жирондисты были заинтересованы в том, чтобы оттянуть решение вопроса о политической форме правления и решить его потом, когда им удастся укрепить свое влияние в Конвенте. Но вопрос этот встал на втором заседании Конвента, 21 сентября. При обсуждении вопроса о конституировании Конвента якобинен аббат Грегуар выступил с гневной, обличавшей монархию речью, в которой он назвал монархию мастерской пресуплений, очагом разврата, мариологом наций. Собрание с ним согласилось и провозгласило, что монархия во Франции уничтожена. Но дальше этого оно не пошло и не объявило об учреждении республики.

Республику провозгласил не Конвент, а народ. Когда батальон марсельцев, отправлявшийся на фронт, подошел вечером к Конвенту и узнал, что монархии больше во Франции нет, ликующие крики: «Да здравствует республика!».—провозгласили рождение ее во Франции. Марсельцы разнесли эту весть по всему Парижу. Санкюлоты устроили в честь новорожденной республики плюминацию и народное празднество. Всю ночь Париж веселился и танцевал, и

всю ночь раздавались в Париже возгласы: «Да здравствует республика!» Таким образом, республика пришла в Конвент пзвне. Она, по выражению Робеспьера, «пробралась туда тайком». 25 сентября под давлением масс Конвент *post factum* провозгласил французскую республику единой и неделимой. С этого времени все правительственные акты стали пометаться: «IV-ый год Свободы, 1-ый год французской республики».

Провозглашение республики воодушевило французскую армию. Победа французам под Вальми создала разлад между интервентами: герцогом Брауншвейгским и Фридрихом Вильгельмом II; продвижение союзной армии к Парижу приостановилось. Непрерывные дожди, непролазные торoghi сделали это передвижение очень трудным и опасным. Население относилось к интервентам враждебно и все от них прячало. Австро-прусская армия терпела всевозможные лишения; распространявшаяся среди нее дизентерия поубила много народу. Прусские войска вынуждены были отступить. В конце октября Вертен был опять занят французами. В октябре австрийцы были вынуждены отступить также от Лилля, осажденного с сентября 30-тысячной австрийской армией. Гарнизон Лилля состоит только из восьми тысяч человек. С 29 сентября по 8 октября город подвергся артиллерийской бомбардировке; австрийцы выпустили по нему 60 тысяч ядер. Австрийские бомбы, начиненные склянками со скипидаром, вызвали в Лилле большие пожары. 31 города огачились одни развалины, но его защитники не сдавались. Когда в зал заседания мэрии упало ядро, один из заседавших спокойно заявил: «Заседание продолжается».

Героическая самоотверженность не только лилльского гарнизона, но и всего населения города, не покинувшего его, мужество, патриотизм, преданность революции, бесстрашная готовность жертвовать собой во имя спасения независимости родины победили огромную неприятельскую армию, и она вынуждена была уйти из Франции.

В день открытия Конвента южная французская армия вступила в Савойю, и там начались крестьянские восстания. Население Савойи заявило о своем желании присоединиться к французской республике. 30 сентября французская армия под командованием Кюстина перешла Рейн и взяла город Шпейер. Вскоре вся Бельгия была занята французскими войсками. Народные массы Бельгии встретили французскую армию с восторгом. Французская республика в октябре—ноябре 1792 года совершила, таким образом, триумфальное шествие. Презираемые европейскими королями войска санкюлотов были самые лучшие ар-

мии, самых опытных и закаленных в боях генералов. В течение полутора месяцев санкюлоты изменили политическую карту Европы.

Передовая Европа восторженно следила за победами французской армии; «Марсельеза» сделалась с того времени интернациональным гимном в борьбе против феодального строя.

Эти победы и, главное, все возрастающее влияние революции заставили господствующие классы Европы подумывать о создании более сильной коалиции против Франции. После вселения французам в Бельгию английский премьер-министр Питт занял открыто враждебную позицию в отношении Франции. Его надежды, что революция сделает Францию слабой, необороняемой страной, не оправдались, и с осени 1792 года Лондон стал центром всех заговоров против французской республики; здесь находили приют диверсанты, шпионы, эмигранты. Англия стала с этого времени душой, мозгом, банкиром всех европейских коалиций, направленных против французского народа. Таким образом, первые победы не принесли французскому народу мира, военные действия продолжались, и вопросы войны и организации победы продолжали оставаться основными вопросами революции.

Жиронтисты стремились использовать успехи французской армии для укрепления своего влияния в Конвенте. Они объявили дезорганизаторами и анархистами всех, кто указывал, что для создания гарантии реставрации нужно окончательно разгромить силы старого абсолютистско-феодального режима, разрешить крестьянский вопрос, покончить с феодализмом в деревне и предоставить большинству населения реальные блага. Жиронтисты были против всех этих мероприятий.

Якобинцы перед лицом грозной опасности внешней интервенции призывали к объединению всех сил революции.

Марат говорил о новом пути, на который должны стать революционеры после революции 10 августа, и выражал готовность идти вместе с «друзьями народа», с депутатами Конвента. К единению и совместной борьбе против врагов революции призывал также Робеспьер. Но жиронтисты отказались от союза с якобинцами и с первых же дней деятельности Конвента повели бешеную борьбу против якобинцев.

На одном из первых заседаний, когда обсуждался вопрос о реорганизации суда, жиронтисты напали на якобинцев за их утверждения, что судьей может быть всякий, независимо от того, числится ли он в списке юристов или нет. Возможность выбора судей из числа всех граждан пока-

залась жирондистам серьезной угрозой для буржуазной собственности.

Вскоре жирондисты потребовали ареста Марата, обвиняя его в «сентябрьских убийствах». Всякий раз, когда он появлялся на трибуне, они встречали его оскорблениями и не давали ему слова. В декабре жирондисты потребовали, чтобы Конвент предложил первичным избирательным собраниям переизбрать депутатов, утративших доверие нации, т. е. депутатов Горы, и в первую очередь Робеспьера и Марата. В письмах к своим избирателям они писали, что парижане своими действиями губят революцию. В октябре они добились присылки из жирондистских департаментов в Париж департаментской гвардии в 15 тысяч человек для охраны Конвента от «дезорганизаторов» и «анархистов», т. е. от революционного Парижа. На улицах Парижа прибывшие распевали:

«Голову Марата, Робеспьера и Дантона
И всех тех, кто их защищает,
И всех тех, кто их защищает»¹.

Имея свою вооруженную силу (Роллап добился организации специальной охраны

¹ Альберт Матъез «Французская революция». Т. II. Жиронда и Гора, стр. 116. «Московский рабочий», 1929.

Конвента), опираясь на «бюджет», жирондисты упразднили уголовный трибунал, созданный после 10 августа, и объявили о пере выборах Коммуны Парижа. Эгими постановлениями они поощрялись на завоевания революции 10 августа и поощряли конгресс революционеров к безнаказанным выступлениям.

Гора, защищаясь от нападок жирондистов, вынуждена была перейти в наступление. «Теперь, когда враг продвигается... обвиняют самых честных людей в сношениях с неприятелем. И кто же обвиняет? Люди, которые вызвали войну. Без сомнения, они обвиняют нас в своих собственных изменах»², — заявил Бильо Варрен в ответ на нападки жирондистов. «Вы хотите республики только для богатых», — объяснил Робеспьер причину нападков Жиронды на депутатов Горы.

Жирондисты были исключены из Якобинского клуба. Марат сумел проникнуть в казармы департаментской гвардии и рассказать настоящую правду о борьбе трудящихся Парижа. Вскоре департаментская гвардия сблизилась с Якобинским клубом. Она образовала общество федератов 83 де-

² Альберт Матъез «Французская революция». Т. II, стр. 97.

пизацию суда. В то же время Конвент вел тайные переговоры с государствами коалиции об условиях освобождения Людовика XVI. Но монархи, об'явившие войну французской революции, не хотели идти ни на какие уступки ради спасения Людовика XVI; братья Людовика XVI хотели его смерти, чтобы занять его место, Питт откровенно заявил, что участь отдельных членов Бурбонского дома его несколько не интересует и что он борется с революционной Францией.

В конце ноября 1792 года стали известны новые факты предательства Людовика XVI: слесарь Гамен донес Роллану, министру внутренних дел, о существовании потайного стенового шкафа в Тюильри, который Людовик XVI сделал с его помощью. Из бумаг, найденных в шкафу, узнали о новых фактах измены родине Людовика XVI и о его сношениях с эмигрантами. Жирондисты вынуждены были об'явить, что Людовик XVI подлежит суду. Ему предоставили право выбрать себе защитников. На допросе он ни в чем не хотел сознаться, отказался признать документы за своей подписью, не хотел узнать своего ключа от шкафа и т. д.

Несмотря на то что с каждым днем все новые и новые документы подтверждали виновность Людовика XVI, жирондисты вопреки требованиям народных масс сделали еще одну попытку спасти короля. Чтобы выиграть время, они стали оспаривать право Конвента судить Людовика XVI и предложили перенести вопрос о его виновности на обсуждение первичных избирательных собраний, как будто Конвент не пользовался доверием всей нации. За предложением жирондистов скрывалась тайная надежда, что в провинции, где большинство крестьян и санкюотов ушло в армию и где народные массы были менее активны, собственники выскажут против обвинения короля. Тогда, думали они, им удастся противопоставить требованиям Паризжа и санкюотов требования департаментов и покончить с якобинцами.

Своей борьбой против якобинцев жирондисты развязывали открытую гражданскую войну во Франции. Жирондисты обвинили якобинцев в стремлении к диктатуре и в разгар прений по вопросу о виновности короля предложили осудить прежде всего тех, кто стремился к диктатуре. Предложение это должно было отвлечь общественное внимание от короля и создать впечатление, что якобинцы против республики. Только 14 января после очень долгих и бурных прений Конвент поставил на именное голосование депутатов три вопроса:

1) Виновен ли Людовик XVI в заговоре против свободы нации и в покушении на безопасность государства?

парламентов, нечто вроде военного клуба, находившегося под идеологическим руководством Якобинского клуба.

Неудачными для жирондистов оказались также результаты выборов в Парижскую коммуна. Вновь переизбранная Коммуна (2 декабря 1792 года) отличалась таким же революционным характером, как ее предшественница. В Генеральный совет Коммуны были избраны только якобинцы. Шометт, бывший председатель Коммуны 10 августа, был избран прокурором новой Коммуны, а его заместителем — Эбер, редактор народной газеты «Отец Дюшен». Якобинец Паш стал мэром Коммуны.

Между тем война продолжалась, и экономическое положение Франции становилось с каждым днем все более трудным. Вместо того чтобы объединить все силы для разрешения главных вопросов революции, жирондисты три месяца потратили на борьбу с якобинцами, как будто они были ее главными врагами. Конвент по их вине три месяца топтался на одном месте и ничего не сделал для улучшения ухудшившегося экономического положения страны.

Еще в ноябре Коммуна потребовала организации суда над королем. Жирондисты хотели спасти Людовика XVI, но у них не хватило мужества открыто выступить в его защиту. Под разными предлогами, часто невразумительными и оскорбительными для народных масс, они оттягивали орга-

2) Будет ли приговор предложен головному всего народа?

3) Какого наказания заслуживает Людовик XVI?

Почти единогласно Конвент признал короля виновным в злоумышлении против свободы нации и общей безопасности государства. Второй вопрос был отвергнут большинством в 423 голоса. Поименное голосование по третьему вопросу продолжалось в течение 37 часов. За смертную казнь без всяких отсрочек было подано 387 голосов, за тюремное заключение или условную смертную казнь голосовало 334 человека; большинством в 53 голоса Людовик XVI был присужден к смертной казни без всяких промедлений. Робеспьер мотивировал свое предложение смертного приговора королю следующим образом: «Я не признаю той гуманности, которая убивает народ и прощает деспотов. Чувство, побудившее меня потребовать, хоть и тешно, в Учредительном собрании отмены смертной казни, есть то самое чувство, которое вынуждает меня сегодня настаивать, чтобы ее применили к тирану моей роины»¹.

21 января 1793 года Людовик XVI был казнен.

3

Уже с осени 1792 года Франция стала испытывать недостаток в продуктах первой необходимости и прежде всего в хлебе.

¹ Луи Блан «История французской революции 1789 г.», стр. 44, 1908.

Посмотря на удивительный урожай хлеб достать было очень трудно. Богатые крестьяне не хотели продавать его за бумажные деньги и прятали зерно. Война поглотила все ресурсы страны, и большинство продуктов совсем исчезло с рынков. За ассигнаты давали только 60% их номинальной стоимости. Все это породило спекуляцию и дороговизну. Нарушение нормальной экономической жизни разорило мелкую буржуазию и поставило в очень тяжелое положение рабочих. В то время как заработная плата осталась на уровне 1790 года, цены на хлеб поднялись в три раза.

Особенно тяжелым было положение рабочих в Лионе. В лионской шолковой промышленности, потерявшей из-за войны и эмиграции аристократов своих клиентов, кризис начался еще в ноябре 1792 года, и лионские ткачи оказались в очень тяжелом положении. Буржуазная революция предоставила им только одну возможность — умереть с голоду.

Только в Париже хлеб продавался по 3 су за фунт (в Лионе, например, фунт хлеба стоил 6 су), и Парижская коммуна ежедневно доплачивала булочникам 12 тысяч ливров. Но качество хлеба было плохое, и, чтобы его получить, надо было дни и ночи проводить в очередях, так как дешовая цена хлеба в Париже вызвала наплыв приезжих из окрестностей и близлежащих городов.

Народные массы считали, что Конвент должен помочь им организовать борьбу со спекулянтами, прятавшими продукты питания и продававшими их втридорога. В

конец ноября, когда в департаменте Эры и Луары начались волнения против дороговизны, Конвент послал туда своих депутатов. Он обязал их подавить беспорядки и прибегнуть для этого к помощи вооруженной силы. И хотя депутаты действовали только путем мирной агитации, их встречали повсюду очень враждебно. В одном селении их встретила толпа в шесть тысяч человек, вооруженная ружьями и пиками. Едва комиссары обратились к толпе, как со всех сторон раздались крики: «Это шарлатаны, аристократы! Повесите их надо!» Ораторы из толпы говорили о том, что Конвент — враг народа и что он ведет народ к гибели. Депутатов Конвента избili и под дулом ружей заставили их подписать установленную населением таксу, соответствовавшую ценам 1790 года, на хлеб, ячмень, свечи, мясо, холст, саржу и башмаки

Вернувшись в Париж, депутаты рассказали Конвенту, что они видели в толпе переодетых священников; они уверяли Конвент, что организаторами волнений являются роялисты. Их сообщение о том, что они вынуждены были подписать требуемые населением твердые цены, вызвало в Конвенте сильное негодование жирондистов.

«Им давали в руки топор и перо, — сказал жирондист Мануэль, — и они должны были взять топор и отрубить себе руку». Конвент осудил поведение депутатов и вынес им общественное порицание. Жирондисты считали, что народные волнения организованы роялистами и шпионами Питта. Сторонники физиократов, они были самыми яркими защитниками свободной торговли и невмешательства государства в экономику. Жирондист Ролан, министр внутренних дел, находил, что самое лучшее, что можно сделать для облегчения продовольственного кризиса, — это ничего не делать: когда-нибудь война кончится, тогда цены спадут и будет изобилие продуктов. Жирондисты были совершенно равнодушны к страданиям народных масс от голода. Выразители и представители интересов крупной торгово-промышленной буржуазии, они объявляли требования народных масс о введении твердых цен покушением на частную собственность и потребовали самых решительных мер для подавления беспорядков.

Отношение монтаньяров к волнениям из-за дороговизны определилось не сразу. Вначале Робеспьер согласился с жирондистами о необходимости подавления беспорядков силой. Марат, наоборот, считал, что «Нам без конца говорят, что надо уважать установленные цены, но надо заслужить. Оно не дается приказом. Не пушками и не вы предлагаете несчаст-

ным, требующим хлеба, вы внушите доверие и успокоите их»¹, — убеждал Марат, 29 ноября с большой речью о продовольственном кризисе, его причинах и средствах его преодоления выступил Сен-Жюст. В то время как жирондисты не хотели допять действительных причин продовольственного кризиса, а многие из них отрицали его вовсе, Сен-Жюст смело разобрал вопрос о причинах его. Основное зло заключалось, по его мнению, в чрезмерном выпуске бумажных денег. Крестьяне, говорил он, не хотели менять хлеб на бумажки. Чтобы восстановить нормальный обмен, он предлагал оздоровить финансовое положение республики. В противном случае, говорил он, «наша свобода промчится, как гроза, и победа прозвучит, как удар грома. Если вы хотите основать республику, вы должны извлечь народ из состояния нищеты и необеспеченности, губящих его»².

2 декабря по вопросу о продовольственном кризисе выступил Робеспьер. Он говорил о том, что подлинная свобода торговли ничего общего не имеет с защитой интересов спекулянтов и крупных торговцев: «Необходимая для человека пища так же священна, как и его жизнь. Все нужное для сохранения этой последней составляет общее достояние всего общества, только излишек составляет частную собственность, только ее можно отдавать коммерсантам. Всякая спекуляция, произвольная в ущерб жизни себе потребных, есть торговля, а разбой»³. Чтобы создать условия для действительно свободной торговли, Робеспьер предложил отказаться от невмешательства в торговлю: «Надо принять меры для определения количества зерна, производимого в каждой местности и собираемого каждым земледельцем, чтобы хлебные торговцы были обязаны продавать хлеб на рынке и чтобы воспретить ночную перевозку хлеба».

Робеспьер и Сен-Жюст несмотря на свое явное сочувствие страданиям народа оставили на этот раз без внимания требование народных масс о введении твердых цен; в их предложениях не было ничего, что могло бы народным массам немедленно избавиться от увеличивающегося с каждым днем лишения. Когда в департаменте Босе рабочие, крестьяне и ремесленники, вооружившись чем попало, заставили торговцев ввести твердые цены, Конвент единодушно принял решение о подавлении движения вооруженной силой. Якобинцы поддержа-

¹ Цит по работе Mortimer-Ferguson «Histoire de la Terreur 1792—1794», pp 371—398

² Там же.

³ «Moniteur». Т XIV, стр 637.

решение Конвента. Из-за их колебаний народное движение осенью 1792 года потерпело поражение. Жирондисты отстаивали интересы крупной буржуазии.

Зима 1793 года была очень тяжелой: дороговизна и спекуляция возрастали с каждым днем. Так как Конвент отказался помочь народу в борьбе против голода, массы сами стали искать спасения от него. Еще весной 1792 года, когда с рынков исчезли сахар и кофе, священник Доливье выступил с утверждениями, что земля и ее продукты не могут быть индивидуальной собственностью и должны принадлежать народу. По мнению Доливье, народу принадлежало право устанавливать твердые цены на хлеб и другие предметы питания. Одновременно с Доливье начал агитацию за установление твердых цен почтовый чиновник Варле. В это же время лионез Ланж написал брошюру «Простые и легкие средства установить изобилие и справедливую цену хлеба». Он предлагал создать кооперацию фермеров-потребителей и под ее контролем скупить по средней цене весь урожай Франции. Для сохранения собранной жатвы, по предложению Ланжа, надо было устроить общественные магазины-зернохранилища, откуда хлеб под надзором государства распределялся бы по твердой цене по всей Франции.

Мысль о том, что государство должно положить предел свободной торговле и спекуляции хлебом, стала всеобщей среди народных масс Франции в 1792—1793 году. «Свобода хлебной торговли несовместима с существованием нашей республики»,—заявила делегация от избирателей Сены и Уазы Конвенту еще 19 ноября 1792 года. «Из кого состоит наша республика?—спрашивали делегаты.—Из небольшого числа капиталистов и большого числа бедняков. Кто занимается хлебной торговлей? Это небольшое число капиталистов»¹.

Требование закона об установлении предельных, твердых цен на хлеб и другие продукты питания, или, как тогда говорили, максимума, стало народным уже в конце 1792 года. В установлении максимума бедняки городов и деревень видели не только лучшее средство борьбы с дороговизной и голодом, но и средство избавления от нищеты; они думали, что максимум положит основание подлинному, действительному равенству.

Наряду с требованиями максимума большое распространение после революции 10 августа получило требование издания аграрного закона. Сторонники аграрного закона считали, что правительство должно

переделивать всю землю между общинами Франции таким образом, чтобы на долю каждого бедняка достался кусок земли и чтобы всякий владел только таким количеством ее, какое можно обработать своими руками, без помощи наемных рабочих. Еще в 1789 году многие крестьянские наказаы требовали, чтобы никому не разрешалось снимать в аренду больше одной фермы и чтобы был установлен максимальный размер земли под каждую ферму. Зимой 1793 года это требование стало всеобщим среди деревенской бедноты, ненавидевшей богатых фермеров-спекулянтов. Таким образом, народные массы Франции своими требованиями уничтожения нищеты выдвинули в ходе буржуазной революции конца XVIII века новые идеи, выволившие ее за пределы тех задач, которые она могла разрешить. Эти требования плебейских масс в конце XVIII века, когда дело шло о разрушении феодализма и создании буржуазного строя во Франции, могли быть только мечтой.

Своими социальными требованиями массы резко противопоставили свое понимание задач революции программе буржуазии. С зимы 1793 г. в развитии буржуазной революции Франции окончательно определились два направления: одно из них, буржуазно-либеральное, представленное жирондистами, стремилось остановить революцию и перенести все ее трудности на плечи санкюлотов, сделав их покорными исполнителями воли крупной буржуазии; другое, народное, выдвинуло обширную программу социальных преобразований Франции. Это партное направление, буржуазно-демократическое в основе своей, не всегда, однако, совпадало с требованиями якобинцев, самых последовательных выразителей буржуазно-демократических стремлений революционной буржуазии Франции. В то время как якобинцы со времени революции 10 августа считали, что основная задача революции состоит в создании народной, демократической республики и укреплении демократических завоеваний, плебейские массы — рабочие, деревенские и городские бедняки — считали, что свобода — пустой призрак, если народ обречен на голод. Борьба со спекулянтами, борьба против нищеты — вот основное требование, выдвинутое миллионами санкюлотов зимой 1793 года.

Эти требования городской бедноты отчетливо выразил Шометт в феврале 1793 года. «Бедняк,—говорил он,—так же, как и богатый, и больше богатых, совершил революцию. Революция, даровав богатому свободу, дала ему бесконечно много, эту свободу и равенство она даровала и бедняку, но ведь чтобы жить свободно, надо прежде всего иметь возможность существо-

¹ «Archives parlementaires» от 19 ноября 1792 года.

вать, а если не существует разумной пропорции между заработной платой и ценами на предметы первой необходимости, то бедняк не может существовать»¹.

С зимы 1793 года в рабочих предместьях Парижа, Лиона и других промышленных центрах появились новые люди, заговорившие от имени народа: Жак Ру, Варле, Леклерк и другие.

Жирондисты называли их «бешеными». В Конвенте все были против них, но в Парижской и Лионской коммунах они имели много сторонников. Шометт и Паш (мэр Коммуны) им явно сочувствовали. Уже в начале 1793 года «бешеные» стремились согласовать свои действия; они пытались создать свой центр и установить связь между различными городами. Программа «бешеных» зимой и весной 1793 года включала следующие требования: 1) максимум (предельные цены) на все продукты первой необходимости, 2) введение прогрессивного налога, 3) создание национального продовольственного управления и 4) издание суровых законов против спекулянтов продовольствием.

Движение против спекуляции и дороговизны приняло в феврале—марте 1793 года такой грозный характер и настолько реальной стала возможность выступления масс против Конвента под руководством «бешеных», что обходить молчанием продовольственный вопрос Конвент больше не мог.

В апреле жирондисты внесли на обсуж-

¹ Альберт Матъез «Борьба с догоговизной...», стр. 124.

дение Конвента проект конституции, ничего не дававший народу и создававший, по выражению Робеспьера, республику только для богатей, для скупщиков, для тиранов. Якобинцы были против него. Они представили свой проект конституции, в котором бесконтрольное право пользования частной собственностью ограничивалось определенной долей, регламентированной законом. Частная собственность в якобинском проекте конституции не должна была «наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни жизни, ни собственности наших ближних». Государство обязывалось оказывать помощь нуждающимся и негрудоспособным. Однако никаких гарантий для претворения в жизнь этих обещаний якобинский проект не давал. Частная собственность оставалась священной, как и в проекте жирондистов. Но проект якобинцев был продиктован стремлением обеспечить торжество демократических завоеваний народных масс в революции. Якобинцы были убеждены в том, что окончательное крушение феодального строя и создание буржуазно-демократической республики есть лучшая гарантия для того, чтобы на его развалинах они могли построить мир, в котором разум, справедливость, равенство, братство будут определять отношения между людьми.

Конвент отверг якобинский проект конституции. Тогда, чтобы заставить Конвент принять его, якобинцы объединились с «бешеными».

Как подлинные революционеры, якобинцы, руководя массами, учились также у масс, прислушиваясь к их голосу. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными и передовыми классами своего времени»², — писал Ленин. Весной 1793 г. якобинцы под влиянием растущей спекуляции и народной нужды отказались от своего отрицательного отношения к максимуму. В апреле Робеспьер выступил против свободы торговли, которая, заявил он, «годна для обычного, а не для революционного времени».

Весной 1793 года против жирондистов образовался сплоченный революционный фронт. Буржуазия и ее представители в Конвенте пришли в ярость. Жирондист Петлюн писал, обращаясь к своим избирателям в Париже: «Ваша собственность в опасности. Вы закрываете глаза на эту опасность. Над вами совершают насилия всякого рода, а вы терпите».

Это письмо прозвучало прямым призывом к выступлениям против народа. П в

² В. И. Ленин. Соч. Т. XX, стр. 435.

самом деле, буржуазия всюду перешла в наступление. В Лионе местная буржуазия (еще в феврале) под руководством жирондистов объединилась с роялистами и захватила муниципалитет, где было очень сильно влияние якобинцев. Центральный клуб якобинцев был разрушен, статуя Ж.-Ж. Руссо сломана, дерево Свободы сожжено. Шалье, мэр Лионской коммуны, якобинец, человек редкой честности, стойко и беззаветно преданный революции, был отстранен от своего поста. Банды «золотой молодежи» стали хозяевами улицы. С апреля в Лионе началась настоящая гражданская война.

Таким образом, весной 1793 года крупная французская буржуазия окончательно отошла от революции и заключила союз с роялистами против народа.

На фронте к этому времени сложилось неблагоприятное для Франции положение. После казни Людовика XVI к коалиции против Франции присоединились Англия, Голландия, Сардиния, Пьемонт, Испания. Россия, хотя официально не объявила еще

Франции войну, прервала с нею всякие дипломатические отношения и помогала коалиции. Зимой 1793 года только Дания и Швеция, Швейцария и США сохранили нормальные дипломатические отношения с Францией. В марте в Париж пришли вести о поражении французских войск при попытке занять Голландию. Поражение в Голландии повлекло за собой изгнание французов из Бельгии. Французская армия оказалась в таком же положении, как осенью 1792 года, и Франция снова стояла перед непосредственной угрозой интервенции.

Поражение на фронте усилило надежды контрреволюционеров. Количество заговоров против революции увеличивалось с каждым днем. Объявление Конвентом в марте 1793 года набора в армию 300 тысяч человек послужило сигналом к контрреволюционному восстанию в Вандее—обширной области между Луарой и Бретанью. Вскоре к Вандее присоединилась Бретань.

Один депутат Конвента из провинции писал в марте 1793 года, что обществен-

ное дело находится на краю гибели. Богатые ненавидят его, бедные нуждаются в хлебе. Везде чувствуется усталость. Революция еще не сделана. Только самые быстрые и самые решительные меры могут еще спасти ее¹.

12 марта Дюмуре открыто восстал против Конвента. Он написал ему письмо, полное угроз. Шесть дней спустя он дал разбить себя австрийцам и потом вступил в переговоры с австрийским главнокомандующим Маком о совместных действиях против Парижа для восстановления конституционной монархии. В начале апреля Париж узнал об измене Дюмуре. Распространился слух, потом опровергнутый, что он увлек за собой армию. Ожидали, что она вместе с австрийской может появиться в Париже. Опасность реставрации опять нависла над революционной Францией. Под давлением нараставшего в массах нового патристического и революционного движения Конвент отстранил Исполнительный совет от ведения войны и организовал в апреле Комитет общественного спасения, поставив во главе его Дантона.

Измена Дюмуре сильно скомпрометировала жирондистов: Дюмуре был их сглазленником, и его измена находилась в непосредственной связи с их борьбой против требований народных масс и с отходом крупной буржуазии от революции. 25 секций Парижа из 48 потребовали изгнания жирондистов из Конвента. Чтобы удержать власть, жирондисты согласились на издание закона о максимуме, и 4 мая Конвент принял решение о введении твердых цен на зерно (1-й максимум). Но дальше это жирондисты не пошли.

Якобинцы предложили проект принудительного займа в один миллиард у богатых, чтобы одеть и снабдить армию. Прения по вопросу о займе показали, что жирондисты не допустят проведения его в жизнь. Они решили покончить со всякой, направленной против них оппозицией. 13 апреля Конвент принял решение об аресте Марата. Но народ слишком любил Марата, чтобы позволить жирондистам арестовать «друга народа». Суд его оправдал. Массы, осыпав Марата цветами, отнесли его из суда прямо в Конвент. Этот день (23 апреля) жирондисты называли днем траура.

С конца апреля заседания в Конвенте превратились в настоящие битвы не на жизнь, а на смерть между жирондистами и монпаньярами. 16 мая жирондист Бюзо потребовал перенесения заседаний Конвента из Парижа в провинцию. Предложение это не прошло. Но Конвент принял в этот день другое предложение — о создании К-

миссии 12 для охраны общественного «спокойствия». В состав ее вошли одни жирондисты. Комиссия обрушилась на революционные центры Парижа, потребовала протоколов заседаний секций и стала проверять деятельность Коммуны. По ее приказу был арестован Эбер, помощник прокурора Коммуны; арестом Эбера жирондисты нарушили неприкосновенность народных представителей. Комиссия 12 хотела терроризировать санкюлотов и покончить с ростом революционной активности в Париже. В конце мая жирондист Иснар угрожающе заявил якобинцам: «Скоро стгнут искать на берегах Сены, действительно ли существовал Париж». Однако Комиссия 12 своими действиями только ускорила взрыв возмущения. Большинство секций Парижа примкнуло к «бешеным», и под их руководством был создан Комитет восстания, потребовавший изгнания и ареста вожаков жирондистской партии из Конвента. К Комитету присоединился также Якобинский клуб. Тогда движение против жирондистов возглавила Парижская коммуна.

Рано утром 31 мая с Собора парижской богоматери ударил набат, забили тревогу барабанчики. Народ стал собираться у Коммуны, улицы заполнились вооруженными батальонами. Но день прошел спокойно, и жирондист Верньо, видя, что восстание не развивается, предложил вынести секциям благодарность отечества. Вечером санкюлоты заполнили залы Конвента. Тогда Робеспьер потребовал ареста членов Комиссии 12 и отдачи под суд вожаков жирондистской партии. Но уничтожение Комиссии 12 было единственным результатом выступления масс 31 мая. Жирондисты остались у власти попрежнему. Тогда революционный комитет решил довести дело до конца. 1 июня Марат произнес в Парижской коммуне речь, в которой призывал народ действовать сообразно своим интересам. Окруженный массами, восторженно выслушавшими его речь, он вышел из Коммуны на башню ратуши и ударил в набат. Вооруженные отряды немедленно стали собираться вокруг Коммуны 1 июня, в 9 часов вечера, делегация Парижской коммуны опять пришла в Конвент и потребовала ареста 27 жирондистов. Набат гудел всю ночь. А назавтра утром, 2 июня, заседание Конвента началось с того, что почехавший из Лиона депутат Конвента огласил чрезвычайно тревожные известия. Жирондисты Лиона, объединившись с роялистами, опять начали мятеж, убили 800 якобинцев и избитого до полусмерти Шалье бросили в тюрьму.

Известие о лионских событиях решито исход дня. 100 тысяч вооруженных людей окружило Конвент. Но даже при этих обстоятельствах Конвент сделал попытку от-

¹ См Альберт Матвез «Борьба с джорговизион...», стр. 127, 128.

стоять депутатов-жирондистов. По предложению Барера, депутаты Жиронды и часть депутатов Горы решились выйти на улицу в уверенности, что народ расступится перед своими депутатами и даст им дорогу. Но начальник Национальной гвардии, окружившей Конвент, Анрио скомандовал: «Канониры, к орудиям!» Депутаты вынуждены были вернуться обратно. После этого Конвент принял декрет об аресте и исключении из своих рядов 22 депутатов-жирондистов.

* * *

Революция 31 мая — 2 июня 1793 года устранила от власти представителей крупной буржуазии, еще весной этого года окончательно перешедшей в лагерь контрреволюции. Испугавшись социальных требований масс, не желая жертвовать своими частными интересами в интересах спасения революции в целом, крупная буржуазия и ее представители — жирондисты — готовы были отказаться от собственных завоеваний, предать свое собственное дело, дело буржуазной революции, и открыть границы неприютной.

Политика жирондистов в Конвенте была политикой, выражавшей групповые интересы крупной буржуазии, а не общие интересы буржуазной революции. Вот почему жирондисты с весны 1793 года превратились в авангард роялизма. «Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... — писал Энгельс. — Начиная с Бастилии, плебеи должны были выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно отерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию... только эти плебеи и совершили революцию»¹.

¹ Письмо Ф. Энгельса к К. Каутскому от 20 февраля 1889 года «Историк-марксист» № 2 за 1933 год, стр. 42.

Участие в революции широких народных масс стало самым мощным рычагом для продвижения буржуазной революции к разрешению стоявших перед ней задач.

Марат в клубе якобинцев следующим образом определил цели революции 31 мая — 2 июня: «Мы хотим, чтобы граждане, которых зовут санкюлотами, пользовались счастьем и благосостоянием. Мы хотим, чтобы этому полезному классу помогли богатые по мере своих достатков. Мы не хотим нарушить право собственности. Но какое право собственности священнее других? Право на существование. Мы хотим, чтобы это право собственности было сохранено»². Марат заблуждался вместе с народными массами, когда думал, что можно будет обеспечить достаток для санкюлотов, сохраняя частную собственность. На самом деле значение революции 31 мая выразилось только в том, что она устранила с пути революции крупную буржуазию, мешавшую делу национальной обороны и борьбы с интервентами, делу упрочения буржуазных завоеваний революции.

После революции 31 мая — 2 июня у власти стали якобинцы, самые передовые и «решительные представители»³ революционной буржуазии Франции того времени. Ради спасения революции и мобилизации всех ее сил на борьбу с внешними и внутренними врагами французского народа якобинцы выполнили некоторые требования плебейских масс.

«Для того, чтобы буржуазия могла заплодотворить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели»⁴, — указывал Энгельс.

² Протоколы Якобинского клуба под ред. Олара. Т. V, стр. 227

³ Из постановления жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучшие учебник 3 и 4-го классов и т. д.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 297.

